

Вчера вечером Цин Мянью, сославшись на то, что Е Саньян нужно оформить документы, попросила у матушки Лю домовую книгу семьи Цзинь.

Ознакомившись с ней, она убедилась, что семья Цзинь при нынешней династии относится к разряду торговых хозяйств, входящих в категорию гражданских лиц. Все ремесленники, работавшие в мастерской, даже если они не проживали в доме семьи Цзинь, были приписаны к этому домохозяйству, подчинялись главе семьи и отчитывались перед старостой квартала.

Цин Мянью запомнила имена двух мастеров семьи Цзинь.

Одного звали Ли Шунь, другого — Пэн Шань.

В этот момент Цин Мянью слегка кашлянула у входа. Увидев, что хозяйка пришла, несколько человек, увлеченных работой, поспешно поднялись и отвесили поклон.

Один из них, сорокалетний мужчина с вытянутым лицом и живыми глазами, подобострастно произнес:

— Вчера слышал от матушки Лю, что старшая барышня поправилась. Какое счастье, какое счастье!

Стоявший за ним мужчина лет двадцати, выглядевший попроще, не стал тратить время на любезности и сразу перешел к делу:

— Старшая барышня, последние несколько дней мы со стариком Ли проверяли жемчуг, который вернула гильдия. Дело вовсе не в том, что наш жемчуг был некачественным. Очевидно, его слишком долго вымачивали в воде, вот кожа и сморщилась.

Цин Мянью сопоставила имена мастеров с лицами и кивнула:

— Мы с матушкой Лю всё понимаем. Просто наткнулись на вздорную и нерассудительную даму из богатого дома, а глава гильдии не захотел заступиться за нас и сказать правду. Забудем об этом.

Ли Шунь, умевший тонко чувствовать настроение, поспешил поддакнуть:

— Старшая барышня, у вас поистине широкая душа, как у премьер-министра. К счастью, мы успели в срок закончить замену товара и отправить его на судно важного гостя. Вот только жаль, что вам пришлось из-за этого бегать туда-сюда и довести себя до болезни.

Он резко сменил тему и выложил на стол три-четыре полуфабриката:

— Мы с Пэн-младшим придумали несколько новых узоров, прошу вас, старшая барышня, оценить.

Зоркость и опыт, приобретенные ею в прошлой жизни, наконец-то пригодились, и Цин Мянью не пришлось краснеть из-за незнания тонкостей ремесла.

Она взяла серьгу с филигранью и жемчугом и похвалила:

— Использовать только озерный жемчуг — это слишком просто. Если вы добавите кисточки из агатовых бусин, напоминающих счеты, это наверняка придется по вкусу женам и дочерям высокопоставленных чиновников и богатых купцов.

Мастер Ли прищурился и с улыбкой ответил:

— Верно! Моя жена говорит, что каждый раз, когда приносит нам обед, видит по дороге жен и дочерей из состоятельных семей. Заметно, что последние годы их платья становятся всё ярче — мирные времена, так и должно быть. Украшения тоже должны быть поярче, чтобы под стать им.

Слова Ли Шуня о том, что женщинам дозволено выходить из дома, были правдой.

В династии Дашэн, правившей до Великой Лю, как бы сурово ни было правление инородцев, к повседневному быту женщин относились не так строго, как диктовали конфуцианские нормы Центральных равнин.

После того как земли вновь вернулись под власть ханьцев, двор сосредоточился на возвращении территорий, расширении пашен и увеличении населения, поэтому руки до моральных устоев народа еще не дошли, и женщины сохранили некоторую свободу передвижения.

Это как раз и давало Цин Мянью возможность выходить из дома, когда требовалось.

Бегло осмотрев работу мастеров в мастерской, она сказала им:

— Я сегодня чувствую себя намного лучше, сейчас отправлюсь в Сишуйгуань выпить чаю, посмотрю на современные женские наряды, а по возвращении нарисую вам эскизы.

— Слушаемся, барышня, идите осторожно.

Полдень на реке Цинхуай. Она еще не до конца очнулась от шума весел, сияния фонарей, ароматов благовоний и вина, царивших накануне ночью.

Роскошные прогулочные корабли, точно спящие гиганты, были разбросаны вдоль берега.

Лишь деревянные лодки лодочников уже сновали по воде, занимаясь делами соседей по кварталу.

Цин Мянью прошла вдоль берега совсем немного, как под ивой послышался голос лодочника:

— Хозяйка Цзинь, лодка нужна?

— В Сишуйгуань. — Цин Мянью перешагнула в лодку и села, упершись руками в колени.

Внезапно осознав, что она теперь не женщина-военачальник в лагере, а столичная барышня, Цин Мянью поспешно сменила позу на более подобающую — колени вместе, ноги слегка вбок.

Когда лодочник начал грести, он обернулся и завел разговор:

— Слышал, хозяйка Цзинь, вы приболели. Неужели тепловой удар, когда ездили за товаром на озеро Тайху?

Цин Мянь невнятно отозвалась:

— Слишком жарко.

Лодочник загадочно понизил голос:

— Жарко — это еще ладно, просто фэншуй в нашем Иньтяньфу в последнее время какой-то нехороший. Недавно скончалась женщина-хоу, которая была великим мастером в битве с хусцами, а вчера слышал, что у наследного принца внезапный недуг. На беду, вся императорская семья уехала спасаться от жары в Лингу. Евнухи, примчавшиеся оттуда, даже не успели добраться до Императорского аптечного склада в столице, начали громить аптеки прямо у ворот, чтобы достать порошок из рога носорога и старый желчный камень и поскорее спасти принца.

В народе говорят: извозчики, лодочники, лавочники да посредники — народ такой, что и без вины убить не грех.

Но Цин Мянь, будучи разведчиком, никогда так не считала. Наоборот, она превращала этих людей, повидавших на своем веку всякое, в продолжение своих глаз и ушей.

Теперь, когда она переродилась и вела расследование, встречи с подобными болтунами из простонародья были удачей. Выудить информацию становилось проще, главное — внимательно сопоставлять разные сведения.

Цин Мянь проявила интерес к беседе:

— Наследному принцу ведь только за сорок, почему же его здоровье слабее, чем у императора?

Лодочник скривил губы:

— В юности он вместе с отцом воевал повсюду. Как только война закончилась, его провозгласили наследником, но пожить в покое толком не дали: отец то в одну область, то в другую посылал разгребать последствия. Так даже мула не загоняют! Несколько лет назад он наконец вернулся в столицу, но... у наследного принца сердце уж больно мягкое. Несколько раз он пытался отговорить императора слушать доносы и казнить заслуженных ветеранов. Император затаил подозрение, испугался, что принц хочет завоевать сердца людей и поскорее сесть на трон, поэтому держал Восточный дворец в ежовых рукавицах. Видите, даже на отдых его с собой потащил. Думаю, принц, — как там говорят ученые люди? — был в постоянном страхе, истощен телом и душой, вот и не выдержал.

Цин Мянь сделала восхищенное лицо:

— Вот оно что! Как много вы знаете.

Лодочник хихикнул:

— Всё благодаря моим ушам, старик Ван слышит всё, что нужно. Целыми днями на этой реке Цинхуай наслушаешься рассуждений ученых мужей.

— Кстати, ту женщину-хоу похоронили у нас в столице?

— А как же! Похоронили на горе Цинляншань. Даже после смерти должна охранять великую реку для императора. Хе-хе, неважно, принц ты или знатный вельможа, на самом деле мы все как мулы.

— Старик Ван, такие крамольные речи, я считай и не слышала, ладно?

— Хе, хорошо-хорошо, спасибо, хозяйка Цзинь, за предупреждение.

Через полчаса лодка достигла выхода реки Цинхуай из Иньтяньфу — Сишуйгуаня.

В одной ли от стены водной заставы располагалась почтовая станция Янцзян, выстроенная двором специально для размещения военных чинов и вельмож, у которых не было своего жилья в столице.

Цинь Фан, приезжая в столицу, всегда останавливалась в Янцзян вместе со своими военачальниками.

Десять дней назад Цин Мянь под видом рядового сопровождающего въехала в почтовую станцию вместе с Цинь Фан и, согласно привычке разведчика, выработанной еще в армии, начала тщательно осматривать каждый уголок.

Особенно внимательно она изучила места, через которые неизбежно проходила Цинь Фан, глядя вверх на стены: нет ли поблизости высоких зданий, павильонов или деревьев, с которых чужак мог бы пустить стрелу.

Из дворов открывался вид только на небо, и лишь у конюшен в боковом дворе можно было увидеть окна ресторана Хуайян, что стоял у Сишуйгуаня.

В тот день, когда Цин Мянь совершала обход, к ней подошел Цинь Сюй, другой военачальник из отряда Цинь Фан.

Цинь Сюй был на несколько лет старше Цин Мянь.

Ее Цинь Фан тоже нашла среди детей-сирот ханьцев на границе, с малых лет воспитывала как приемную дочь и обучала. Сейчас ей было лет двадцать четыре-двадцать пять, и Цинь Фан очень ей доверяла.